

ВЛК
Литературный институт имени А.М. Горького

Поезд идёт

НА ВОСТОК

современный рассказ

Галина Бурденко

Поезд идет на Восток (сборник)

«Попов Евгений»
«Бурденко Галина Львовна»
«Васильева Евгения Ивановна»
«Волобуев Олег Александрович»
«Автор»
«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Александрова Анна Юрьевна»

«Автор»

Бурденко Г. Л.

Поезд идет на Восток (сборник) / Г. Л. Бурденко — «Попов Евгений», «Бурденко Галина Львовна», «Васильева Евгения Ивановна», «Волобуев Олег Александрович», «Автор», «Автор», «Автор», «Автор», «Автор», «Автор», «Александрова Анна Юрьевна», «Автор»,

Этот сборник рассказов, посвящённый Дальнему Востоку, составлен из произведений молодых писателей, занимающихся на Высших литературных курсах Литинститута в мастерской знаменитого писателя, лауреата литературных премий, заслуженного работника культуры РФ ЕВГЕНИЯ ПОПОВА. Все эти писатели, уроженцы разных городов нашей огромной страны, имеют жизненный опыт, выходящий далеко за пределы Садового кольца, внутри которого, по мнению некоторых наших сограждан, только и вершится настоящая жизнь. Все они талантливы — других на эти курсы не берут. Некоторые из них уже известны — печатаются, издаются, для других это первое появление на публике.

© Бурденко Г. Л.

© Попов Евгений

© Бурденко Галина Львовна

© Васильева Евгения Ивановна

© Волобуев Олег Александрович

© Автор

© Автор

© Автор

© Автор

© Автор

© Автор

© Автор

© Александрова Анна Юрьевна

© Автор

Содержание

Предуведомление	8
Галина Бурденко	9
Яичница с крабом	10
Евгения Васильева	12
Боги умирают в городах	13
Монетка с дырочкой	15
Счастливый билетик	22
Встреча	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Поезд идёт на Восток

Рассказы

Литературный институт имени А. М. Горького

Высшие литературные курсы

Семинар Евгения Попова

Составитель М. А. Шикалёв

ЛитРес: Самиздат

Москва, 2018

Предуведомление

Для меня настоящий писатель – это тот, кто НЕ МОЖЕТ НЕ ПИСАТЬ.

В любых обстоятельствах – светит ли ему Нобелевская премия, или его знать не знают сильные мира сего и атаманы литературных тусовок.

Беру на себя смелость утверждать, что представленные в этом сборнике авторы – настоящие писатели. Они ступили на зыбкую литературную стезю в самое, казалось бы, неподходящее для этого время, когда писательство как профессия практически исчезло. На гонорары может прожить лишь суперраскрученный автор, и если ты хочешь быть свободным и независимым, то при всех своих талантах должен иметь такую работу, которая кормила бы тебя, но не претендовала на твою душу.

Вот они её и имеют. Предприниматель, клерк, курьер, редактор, техник, администратор, рабочий – все они учатся на традиционных двухгодичных Высших литературных курсах при Литинституте, через которые прошли в своё время такие корифеи, как Виктор Астафьев, Чингиз Айтматов, Евгений Носов, Юрий Левитанский, Олесь Гончар, Новелла Матвеева, Владимир Личутин, Роман Солнцев и другие писатели и поэты, являющиеся ныне костяком русской литературы второй половины XX века.

Все эти авторы – уроженцы разных городов нашей огромной страны и уже имеют жизненный опыт, выходящий за пределы Садового кольца, внутри которого, по мнению некоторых наших сограждан, только и вершится настоящая жизнь, чьим отражением являются глянце-вые журналы, попсовая телевизионная дурь, пропаганда и жажда любой ценой занять хорошо оплачиваемое место под столичным солнцем. Опыт этот реальный, иногда – горький.

Все они талантливы – других на эти курсы не берут, и смысл обучения здесь не в том, чтобы научить писать, а в том, чтобы каждый из них смог реализовать Богом данные способности, создав произведения достойные нашей страны и её литературы.

Некоторые из них уже довольно известны, печатаются, издаются, для других это первое появление на публике, что всегда страшно, ведь настоящий писатель никогда, до конца дней своих, не уверен в себе.

Так что, дорогие читатели, судите их строго, но доброжелательно. «Поезд идёт на восток». На востоке начинается наша великая родина.

Евгений Попов

Москва, март 2018

Галина Бурденко

Родилась 8 декабря 1970 года в Тульской области.

Стихи и рассказы публиковались в периодике, в том числе в переводе на сербский язык. Участник многотомного проекта «Заповедник сказок».

Лауреат (диплом 1-й степени) Международного литературного фестиваля «Интеллигентный сезон» (г. Саки, Крым, 2016).

Учится на Высших литературных курсах Литературного института им. Горького в семинаре Евгения Попова.

Работает в московском театре «АпАРТе».

Мечтает повторить сахалинский маршрут А. П. Чехова.

Яичница с крабом

– Надо написать рассказ про Дальний Восток, – делюсь проблемой с мужем.

– Ты же там никогда не была, – недоумевает он.

– Андрюш, я много где не была. Но задано про Дальний Восток.

Ему хорошо смеяться, он-то летал с театром на фестиваль «Сахалинская рампа».

Отличный был спектакль «Сахалинская жена». Однажды его играли в родных стенах на День театра. Как с самого начала не заладилось, так до конца и не пошло. Начались неприятности с петуха, живого, которому забыли вынести клетку, и актёры не знали, куда этого петуха сунуть, так и передавали из рук в руки, как эстафетную палочку. Закончилось сломанной бамбуковой трубой, на которую наступили. Труба треснула и перестала быть музыкальным инструментом.

Но главный ляп случился в середине спектакля. Красивый, осанистый Унтер, надзиратель, сообщает каторжникам, что приедет баба, на которой один из них сможет жениться.

Ссылнопоселенец Степан должен спросить: «Как её зовут? Бабу то есть». И красивый Унтер, приподняв правую руку, как Пушкин перед Державиным на картине Репина, и подставив левую руку ко рту, как Лиля Брик, позирующая Родченко для плаката «Покупайте книги Ленгиза!», словом, приняв столь театральную позу, собирается изобразить эхо в горах: «Её зовут О-о-о-льга...»

И вдруг Степан задаёт самый абсурдный вопрос из всех возможных: «А как Ольгу зовут?»

Обе руки Унтера безвольно падают. Он с укоризной смотрит на Степана и лихорадочно подыскивает подходящий ответ на столь неожиданный вопрос.

На помощь приходит Степан: «Ну её же Ольгой зовут?»

«Да! – отвечает Унтер, вкладывая в интонацию максимум сарказма. – Ольгой!»

А второй женский образ – гилячка Марина, которая варит целебный чай «от грудей» из «синенького такого цветочка» – аконита. Чай настолько целебный, что «целую роту на тот свет отправить можно». Внешне вылитая бомжиха, Марина, однако, ведёт свой женский бизнес – согревает любовью каторжников за четыре копейки.

И вот такой замечательный спектакль приняли «на исторической родине» довольно неоднозначно. Мне кажется, есть такой особый синдром. И если его ещё никто не описал, то я не против, чтобы его назвали моим именем. Что за синдром такой? Всё просто! Наши представления о себе редко совпадают с чужими представлениями о нас. Но это все знают. Интересен частный случай. Если эти представления извне художественно правдивы, а притом чистой воды вымысел, принять их сложно, но и отбросить не получится. Как для всех русских кошмарен космонавт в ушанке в голливудском кино, так для сахалинских женщин – каторжница-гилячка. Не тот образ сделали типичным!

В спектакле все герои ждут встречи с литератором Чеховым. Стелется шёпот: «Чехов, Чехов...» Вот и для всех русских писателей посетить Сахалин – всё равно что до конца почувствовать Антона Павловича. Приятное, должно быть, ощущение – прочувствовать Чехова от Москвы до самого Сахалина!

Вспомнилось вдруг, как Андрей, выложив весь сахалинский фоторепортаж, всё искал какое-то очень важное фото (я так и думала, что с Чеховым, не иначе) и, наконец, радостно ткнул пальцем в серую точку на фоне серого же моря:

– Это нерпа!

– Вот это вот? – удивилась я.

– Да, это нерпа! – сказал он довольно.

Меня же восхитили не мифические нерпы, а крабы, с которыми вместо обезьянок позировала вся труппа.

– Ели крабов? – сглотнула я.

– Крабов? Ну конечно!

Выражение его лица говорило: «Как можно спрашивать очевидное?» Обиделся за нерпу.

Но что же написать мне? Всё, что я помню, это в Петропавловске-Камчатском полночь. Там всегда была полночь. Там и сейчас, наверное, полночь. Попробую развеять тьму!

Белый пароход «Ерофей Хабаров» держит курс на Камчатку. Я тоже вся в белом, но с розовым лотосом в волосах изучаю инструкцию «Если вы встретили медведя». В волнах плещутся и поют невидимые нерпы, в небе носятся и кричат капризные чайки. Я уже различаю на горизонте Ключевскую сопку и другие, безымянные, вулканы.

Официант приносит мне крабы и вино.

Чайки кричат всё пронзительнее. Им нравится мой краб. Вот ведь разгалделись, куры глупые! Зачем так кричать? Что-то про гальку.

– Галька! – кричит с кухни муж.

Оставляю краба чайкам и иду на кухню.

– Чего?

– Может, поедим чего-нибудь?

– Яичницу?

– Отлично!

Разбив яйца, провожаю взглядом последнюю сытую чайку, поправляю цветок лотоса в волосах и думаю, что никогда, наверное, не увижу Дальний Восток. Но, даже не видя, почему-то очень его люблю. Интересно, а у такого синдрома есть имя? А то можно назвать моим!

Евгения Васильева

Родилась 11 ноября 1977 года в Москве. Окончила философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (2004), факультет педагогики и психологии МПГУ (2012), факультет психологии образования и факультет консультативной и клинической психологии МГППУ (2014), Первый римский университет La Sapienza (2014), программу профпереподготовки «Психодрама и ролевые игры в групповой и индивидуальной работе» МГППУ (2016). Является слушателем ВЛК Литературного института имени А. М. Горького. Работает в сфере связей с общественностью.

Р. С. Жизнь – небольшая стопка осенних листьев. В каждом листе-фотографии застыли воспоминания. Между двух точек конца и начала – череда других. Но они ничего не значат для большинства, неся в себе субъективные смыслы. Всё самое главное можно уместить в глагол «любить» и временные параметры «иногда».

Боги умирают в городах

– Знаешь, я был богом, – говорит он, а я уже не помню его имени. Вечер, мы что-то пьём, ковыряем вилкой в салате и перетасовываем карты своих историй.

Эффект незнакомцев. Так бывает у командированных при набегах на чужие города. Каждый рисует свою масть: хочешь – веришь, не хочешь – не слушай. Водка холодна и обжигает горло.

– У настоящего шамана русской крови нет. Вообще никакой пришлой, – продолжает он или отвечает на вопрос, как тут разобрать, когда стена начинает медленно накреняться девятым валом. – Только чистая якутская кровь. У нас в отделе один работал. Говорит, мог бы стать шаманом, да в город подался. Там весь дар и прошёл. Шаманская болезнь? Скажешь тоже. Об этом и говорить нельзя, – шепчет он, думая, что неслышно, хотя от рыка подсакивают рюмки на столе. – В городе всё не так. Здесь шумно, людей много. Нет величия. Все куда-то несутся. Я тоже бежал, а потом умер. Так всегда: если не бог, умираешь. Не то что раньше, когда был начальником в районе. Тогда все знали: ни один самолёт не полетит, если я не скажу. Солнце светит – я сказал. Ветер дует – я сказал. Якутск – далеко. Москва – так далеко, что её почти и нет. Кричи не кричи, не докричишься.

В том районе были только древние боги, но они почти ушли, и я молодой бог. Все дышали, если я так хочу. Посмотрел – сердце остановилось. Вот какой я был. Сильной силищи. Но потом переманили почём зря. Стал простым человеком. И даже меньше. Город всего выпил. А прошлого не вернуть. Вот она – жизнь после смерти.

Вокруг меня, должно быть, ещё несколько богов. Они пьют водку и молчат.

Каково это – быть богом? Моя колыбель – Москва с суетой и шумом. Столица сама себе бог. Бог ревнивый. Хлыст из золота. Это не луковки храмов и блики полумесяцев, а офис, что превращает жизнь в бесконечно серую череду легко забываемых снов. Опен-спейс без окон крадёт дни и делает незаметными ночи.

Здесь каждый думает, что сам по себе, но дыхание единого города отстукивает ткань ритмом миллионов грудных клеток. Ткацкий станок мойр плетёт свой узор простыни. Даже если чья-то нить закрутится в узелок, её тут же сровняет с общим полотном молоточек ткацкого станка. Всё посчитано и отмерено. Те, кто думает, будто сейчас распахнут окна и вдохнут воздух, не ведают, что это лишь лазы в коридор с духотой.

Мощные боги, зачем стремитесь сюда? Столица съест и выплюнет кости. Маленький винтик в паутине бесконечных улиц – таким становится здесь любой. Всё и всех мешают в общую массу. В безвкусную холодную манную кашу. Серое небо сожрало краски. Вместо звёзд – электрический свет. Город – смеётся. Город выставил батальон небоскрёбов. Город грозит бетонным кулаком небу, идёт на приступ. Это лишь буря в стакане воды. Бутафория. Буйство с похмелья.

Всего этого не рассмотреть в стопке, что дрожит в моих пальцах. Бывший бог смотрит на меня в упор, но я отворачиваюсь, заметив, как по его щеке течёт пьяная слеза немощи.

Монетка с дырочкой

Последнее время у Петра ничего не клеилось. Три года назад он выступал на международных симпозиумах. Ещё бы, входил в группу генетиков, расшифровавших последовательность ДНК митохондрий из шерсти мамонта. Тогда договорились с корейцами открыто, а тайно и с японскими учёными о том, что проект клонирования пойдёт совместно. Ещё два года назад он был подающим надежды молодым учёным. Всё было на мази. Солнце славы пекло в макушку и подгоняло. Всё получалось на раз-два-три. В подмосковной Дубне удалось прорастить траву тысячелетней давности, чьи семена заныкали суслики в те времена, когда земля была колыбелью динозавров. А год назад он перешёл тридцатипятилетний рубеж и сразу стал старым неудачником. Научное лето упало в осень, которая была явно не золотой.

– Привет, – заливисто смеялся в трубку женский голос, ей можно было не представляться, он узнавал этот тон, как музыкант сонату по первым нотам. Откуда она узнала телефон, лет же десять прошло, думалось Петру, а трубка продолжала: – Читаю тут про собак-клоунов. Они что, правда, завалили экзамены в якутской полиции? Эта новость сделала моё утро.

Где она? В Бельгии сидит, должно быть? Какая ему разница. Только почему-то под ложечкой сосёт. Как на экзамене. Так зимой бежишь в школу, тут вдруг лужа манит испытать себя на прочность, а где-то на середине лёд начинает трещать. Так же было на сдаче кандидатского минимума. Вроде говоришь складно, а профессор смотрит через очки так, что кажется, знает, ты здесь лишний, надо сдёрнуть с тебя праздничную маску, потому что никакой ты не принц, а наглый простолюдин, что полез со своим свиным рылом в калашный ряд.

– Почему-то вспомнила тебя. Не знаю почему.

А внутри нарастает злоба. Да какого она ему тут названивает, как будто сестра её не живёт в том же городе, откуда она так нагло уехала в большую столицу, да и та послужила трамплином в неведомые страны. Будто и не было её никогда. Словно жар-птица, оставив лишь перо золотых воспоминаний. Вот и звонила бы сестре. Нет, надо же, ему набрала. Как золотом одарила. Только сам даже фальшивой радости выдать не может.

Айаана – имя будто тысячи маленьких эльфов грозят пальцами: ай-ай-ай, смотри, но не трогай. Или колокольчики звенят. Протяжные «а», как её глаза, где колышется в полусне безмятежная Азия. Но это лишь видимая покорность. Как ледяная шапка на заснувшем вулкане. Айаана сама себе путь. Никто для неё не указ. У всех, даже у якутов, имена русские: Агафьи, Марии, Полины, а тут на тебе – Айаана. Все медяки, а она золотой алтын – дорогая монетка.

Прошло лет сто, не меньше, как они расстались. Да и встречались ли? Можно ли две встречи в кафе да поход в кино, когда его большие потные ладони пытались согреть её, маленькую и тонкую, похожую на юркую мышку, назвать «встречались». Их разделяет вечность, разные города и даже страны. У него давным-давно, как говорит его маменька, дом – полная чаша. То есть расплывшаяся от родов жена и двое малышей, от которых так тянет запереться в лаборатории. Одним словом, семейная жизнь, переходящая в безысходность, что почему-то всегда называют счастьем. Куда взгляд ни кинь – беспросветная тьма. Как якутская ночь. И уже вовсю светит плешь на макушке, а живот округлился, будто это он, а не жена третьего ждёт.

Но достаточно вспомнить, как вызывающе и гордо Айаана сказала «нет», и кровь опять приливает к вискам. И нет времени, разделившего их словно река. Вовсе не любовь, но бешенство отвергнутого мужчины, что дремлет где-то внутри, не знает, что прошли годы. Как хотел бы он, чтобы всё сложилось не так. Чтобы на его робкий вопрос было нежное «да». Или даже сейчас, допустим, где-нибудь в Женеве на международном конгрессе она бы подбежала к нему, а он сделал вид, что совсем не узнаёт. За ним бы шествовали журналистки в обтягивающих платьях или бесстыдных мини, обязательно длинноногие и пышногрудые, надеясь ухватить хоть одно его слово. Он был бы горд и неприступен. Кто она такая, чтобы её помнить? Глупая девочка, что отказала ему? Да сколько было таких как она, уже и не вспомнить. А сейчас посмотрите, за ним скачет вереница холёных красавиц, которые и даром ему не нужны.

– Клоны, а не клоуны, – буркнул он в трубку. – Бельгийские овчарки. Корейцы стараются показать, что они гораздо лучше японцев. Чтобы мы клетку мамонта не утаили.

– Я в городе. Хочешь попить кофе? Мне нет дела до бельгийских овчарок, – шептала она. – Приехала к родне. Я тут на день. Найдёшь для меня время?

Овчарки. Знает, что не клоуны, даже понимает, что за порода. Поверить в то, что она соскучилась было невозможно и невыносимо. Эта тонкая и гибкая как тростник якутка с миндалевидными глазами запала в душу ещё на первом курсе. Как будто не было простых русских Маш и Даш, с которыми учились вместе. И вот ирония судьбы, именно она, единственная с курса, почти сразу выпорхнула из страны как птичка. Говорят, вышла замуж за усатого дипломата. Будто и не прошли времена, когда сердца девушек шашлыком насаживались на шампуры гусарских усов.

Говорят, расстались. Наверняка ушла гордая и неприступная, как дикий тигр. Это не кошка, и нечего думать, чтобы приручить. А он, русский с простым конопатым лицом, встречает, закутавшись в три шарфа, якутские зимы. А уехать бы. Да где образцы найдёшь, как не на родине мамонтов. Только здесь, в Якутии, и схоронены в вечной мерзлоте сотни, тысячи великанов. Вот он, самый настоящий край света. Такой Дальний, что бежать дальше и некуда. А вдруг... Шальная мысль обожгла изнутри. Словно залпом водки выпил. Может, судьба?

– Конечно, найду. Ты где сейчас? – он даже не сразу понял, что этот преданный собачий лепет – его голос. Он сам был клонированной собакой, вилявшей хвостом в надежде на косточку.

Ничуть не изменилась. Разве что стала ещё элегантнее. Лицо всегда немного надменное и оттого ещё более прекрасное. Так смотрят идола, что ждут подношений. Им плевать, что они давно выставлены в музей, никто им не поклоняется, а лишь глупый посетитель пройдет мимо, не останавливаясь, и хрустнет сочным яблоком, брызгая слюной на стекло соседней витрины с экспонатом. Они видели мир, когда он был ещё юн и ходил в ползунках под столом давным-давно забытого бога. Конечно, он хотел, чтобы замужество её испортило. Чтобы она стала обрюзгшей и рыхлой. Как большинство однокурсниц, демонстрирующих фотографии своих личинок на просторах Фейсбука. Как его собственная жена, превратившаяся в снежную бабу, даром что нос не морковка, но также краснеющий на морозе.

– Выглядишь устало. Но зимой всегда так, – шептали её губы, вынырнув из пенки капучино. – Когда я была маленькой, мне всегда казалось, что везде так – длинная-предлинная зима и короткое как кинжал убийцы жаркое лето.

– Решила вернуться? – как же ему хотелось, чтобы у него было то, что называется покер-фейс, равнодушное ко всем и всему. Но голос предательски дрогнул.

– Нет, проездом. Родители говорят, дядя плох. Надо навестить, – она смущённо провела рукой по бесконечно длинным волосам. Казалось, это было сто лет назад: душная аудитория, все ёрзают, отсчитывая минуты, а он еле дышит, падая взглядом в волну длинных жёстких волос. – Знаешь, есть в этом что-то странное. Не верю во все эти суеверия. Но род, кровь – наверное, это же не просто так. Наверное, должно же хоть что-то значить.

Она пожала плечами. Всегда с ней так: не поймёшь, серьёзно или насмехается.

Познакомились, думал, глупая девочка из Якутска, что ты знаешь о столичной жизни. А сам не понял, как нырнул и утонул в этих миндалевидных глазах-омутах. Так и теперь. Вовсе это не она, другая женщина в другой жизни жёстко и резко сказала «нет, ты не якут, чужой, а значит, мы всегда немного враги». Это звучало насмешкой над рафинированностью москвича, что сам считал всех не жителей столицы людьми второго сорта. Это он может и должен выбирать из бесконечной вереницы наивных девочек-провинциалок, что хотят закрепиться и пустить корни в столице, как тонкий росток берёзы в козырьке подъезда.

Мерзлота выплёвывала кости давно умерших зверей с удивительной скоростью. Подумать только, полтора века назад такие находки будоражили умы. Всего-то было найдена пара каких-то костей. А теперь землю рвало этими древними тварями. Что ни день – очередной звонок о находке с живой кровью. И очередной раз окажется, что это лишь останки тканевой жидкости. Дух шерстистого мамонта смеялся над людьми. Такое же мучительное чувство испытывали археологи, находя египетские пирамиды, разграбленные кочевниками-арабами: казалось бы, открытия лежат – только руку протяни, а по факту – пыль времён и тлен.

– Сам же говоришь, получилось выделить ДНК из митохондрий мамонта. Скоро Якутия вновь станет их родиной. Представляешь, прилетаешь на вертолёте в тайгу, а там громадные мамонты, шерстистые носороги. Говорят, плодятся овцебыки и яки, которых уже завезли. Доисторическая страна, честное слово. Жалею, что уехала. Но уже здесь и не смогу, наверное. Как отравленная стала. Слишком много чужого теперь во мне. И этого яду всё больше и больше. Как у змеи, что становится всё опасней год от года.

– Для книги про эволюцию пойдёт, а так – нет. Представь, ты в квартире – это клетка. А тебе надо найти ядерную ДНК. Как рулон бумаги. Ходишь по комнатам, вокруг тебя много-много рулонов, но все они порванные, а целого нет.

Он пьёт для храбрости. Будто снова надо сдавать экзамены, а он трусит и вместо зубрёжки билетов напивается. Она чиста, как стекло. Вода? Водка? Огненная женщина. От её марева воздух плывёт. А вдруг это лишь обжигающий холод и тьма?

Ночью зачем-то пошли в музей. Вернее, Пётр её сам потащил. Похвалиться захотелось. Ночью-то совсем нельзя. Но если можно, то щёлк-щёлк – сигнализация отключена. Никто не узнает, что здесь кто-то был. Ночь не выдаст.

Подумать только, пару лет назад он с такой гордостью показал бы ей все экспонаты, а сейчас от былой славы не осталось и следа. Только горечь. Удивительно, но больше всего уязвило не то, что исследование стоит на месте, а что корейский профессор Хван У Сок был пойман на лжи. Кореец успешно клонировал собак. Успех! Уже и за стволовые клетки взялся. Снова победа! До мамонта рукой подать. Статус – без пяти минут бог науки. А через день всё бурлит и кипит: нет подтверждения клонирования клеток человека, фальсификация. Кому интересны прежние успехи и собаки. Уже и тут, в Якутске, все смеются над проектом. Какой мамонт? Так, ерунда на постном масле. Вот и сам Хван У Сок приезжает. Собак показывает: мол, всё правда, смотрите, щупайте, проверяйте. А осадок остался. Как назло, все ждали, вот-вот будет целая ДНК, а её всё нет и нет.

Может, всё потому, что сами якуты боятся, хотя и не говорят об этом. Есть что-то неправильное, с их точки зрения, во всём этом проекте. Всё потому, что старики считают, будто кости мамонтов прокляты. Времена настали страшные, земля устала скверну в себе держать. А как узнали, что возродить гигантов хотят, так глаза закатили: чур нас, чур. Как будто начнётся конец света. Злые духи на волю выходят.

– Ну что ты мне чучела показываешь, – смеётся Айаана. – Я давно выросла из того, чтобы муляжи могли испугать. – А сама укутана в норку. Сама, как дикий дух, что стащил чужую шкуру.

– Настоящее это, – сердится Пётр.

– Как же, знаем. Настоящее небось прячете. Давай уж показывай, даром мы, что ли, ночью. Я даже заплатить могу, – протягивает монетку, – японская, с дырочкой внутри, можно верёвку продеть и на шею повесить. Подарок от меня. На память.

Через тёмные этажи – в подсобку. Пару раз схватил и прижал, но она, юркая и гибкая, выныривает из рук, даже шубу один раз оставила, чтобы ускользнуть. Так он и шёл, как громадная моль, с шубой.

– Сам давай вперёд, – глаза у неё видят, как у кошки. Кажется, обернёшься – светят два маяка в темноте. А вдруг и нет её на самом деле. Лишь водочная фея сериалы про любовь крутит. Стащил где-то шубу в кафе и теперь вышагивает по пустому зданию.

Темнота густая как кисель и хлюпает под ногами. Свет ударил резко, даже больно. Как взрыв сверхновой. А ей как с гуся вода. Смотрит хищно, ноздри раздуваются как у зверя. Того и гляди, накинется и сожрёт. Как кошка мыша.

– Пахнет тухловатым мясом, – и смеётся звонко, аж в ушах звенит.

– Этой, как ты говоришь, тухловатости лет больше, чем всем твоим родственникам вместе взятым. Чем всему твоему роду. Готов поспорить, что этих животных выкинули из рая вместе с Адамом. Когда земля ещё была плоским блином, а твои предки жили где-нибудь в Монголии.

Аж злоба взяла. А с другой стороны, она вокруг смотрит так, будто находится внутри голливудского кино. Глаза полузакрыты: мол, говори-говори. И я говорю. Слова ничего не значат. Это лишь слова. Просто звуки, что носятся летней мошкаррой. И так же, как мошकारа, кусают. Как тут перья не распустить? Пётр и давай из холодильника то один мешок вынимать, то другой. Потом потащил её к самому заповедному – там, где кости мамонта, где лабораторные образцы. Там всё помещение – один громадный холодильник. Дверь отворил, в шубу Айаану завернул и легонько рукой подтолкнул. Так, чтобы она первой влетела. Как птичка. Раз – а другой двери нет. Только тусклая лампа над чернотой вечной ночи. Какая не испугается? Вот дрогнет его рука, и закроется тяжёлая металлическая дверь. Останешься пленницей тогда навсегда. Кричи не кричи, никто не знает, что ты здесь. Сама экспонатом станешь. Вот тогда

и посмотрим, что в твоей чёрной крови, сколько страха. А она, нет, даже бровью не повела. Смотрит и смеётся, дурак, мол, чего прикидываешься, знаем таких. И опять мешки и кости. То замёрзшего пять тысяч лет щенка достаёт, а то бивень мамонта. Но её не пронять, быстро заскучала. Тут он совсем голову потерял, в лабораторию поташил, где самые лучшие образцы – отобранные из отобранных. Смотри, вот клетки, вот части ДНК. И давай про свои исследования заливать.

А у неё лишь равнодушие в глазах. Скучно стало, говорит, и шмыг прочь. А он за ней. Как не бежать вслед: потеряется, как потом отвечать, что посторонние в здании? Даже не понял, а закрыл ли он все двери, а включил ли сигнализацию. Ничего не было важно: всё она, да она. Как мальчик скакал и прыгал. Все слова обидные, что хотел сказать, забыл.

Ему снова двадцать. Он снова готов задать свой робкий вопрос, готов всё изменить, всё бросить, только бы опять стать живым и дерзким, когда над макушкой светит солнце, а его Айаана рядом. А, может, спиртное в голову ударило?

Утром проснулся. Рядом – она. А ещё через секунду – вокруг чужие, странные лица. Не сразу вспомнил, как кружили по улицам, замёрзли и опять в бар. Она пьёт и не пьянеет. Как чекист. Даже страшно. И смотрит так, что сразу признаться хочется во всём, даже в том, что не совершал. Тонкие руки на плечах. В глазах блестит надежда. Конечно, стукнул по столу, поеду с тобой. Чем чёрт не шутит! Тебе дядька, а мне тоже занятие. Если наука не в силах, шаман поможет. А до шамана-то ехать полтора суток. И где-то мысль: не позвонил жене, что подумает? Наверное, даже рада будет, что не надо готовить лишней еды. Дурь уже давно выветрилась, но не из автобуса же выскакивать. Остановить-то можно, да пустынная трасса. Длинная как коса древнерусской княжны. А вокруг – только снег. Сколько можно по морозу идти? И нелогично: то согласился, то вдруг передумал. Не баба же он в самом деле. Скажу, в лаборатории сидел, так увлёкся, что время не замечал.

Как ни пытался Пётр нацепить каменное лицо, всё выходила какая-то фальшь. Как будто он маленький мальчик, что притворяется на новогоднем празднике зайцем, лишь бы получить от Деда Мороза подарок. Даже Дед Мороз у него ненастоящий – из советских мультфильмов. А у неё за плечами – рогатый Чысхаан – получеловек-полубык, воплощение арктического холода. На его вотчине не забалуешь, заморозит напрочь. И вроде она смеётся, а глаза дерзкие и злые, как две колючие льдины. Сколько ни пытайся их отогреть, скорее сам пальцы отморозишь.

Вспомнил, как ночью она предложила духов вызвать. Самых настоящих. Что мёртвыми руководят. В мамонтов тоже не верили, говорит. А сейчас и научные работы по шаманизму пишут. Вот, говорит, дядьку моего крючило. Все говорят, психиатрия, а это духи призывали. Это как ещё одно рождение, только более мучительное. И ты – уже не ты. Кто-то другой, что живёт теперь под твоей кожей. Каждый день тебя всё меньше и меньше, и ближе ты к другому миру. Или это он сам всё решил?

Всё должно было быть по-другому. На снежном поле стоит этот громадный шалаш из шкур – якутская ураса. Над головой чёрное-чёрное небо. Как глаз древнего бога, что смотрит прямо в душу. Заходишь внутрь – там тепло. И двенадцать шаманов, как двенадцать месяцев, вокруг костра сидят. А тут обшарпанная панелька, простая квартира, а в ней самая обыкновенная кухонька.

Пить будешь, покосился шаман на Антона, как будто с трудом видел, человек или дух. Не иначе как шаманская болезнь не прошла. Так и не скажешь, что шаман. Лицо широкое, как лопатой стукнутое. Совсем некрасив, только глаза как у Айааны, хитрые и злые.

Ёрзает Пётр на табуретке. Пить или не пить – извечный вопрос лишь для проформы, исстари он решается в сторону питья. Оно и понятно, не пьют только мёртвые. Хотя и на могилы стопку ставят. Всё как в жизни. Где твой шаманский бубен, спрашивает. Тут она влезла, говорит, я ему и бубен, и путь. Говорит, денег тебе заплатили, вот сам и стучи.

Ладно, плюётся шаман, только потому, что родственники, не гоню вас в шею. Отвернулся, только видно, как бутылка в вертикаль устремилась, а за ней и другая. Или часами медитировать, или раз – две бутылки влить, и сразу с духами общаться. Секрет входного билета прост.

Раскачивается шаман, как ванька-встанька. Женщины какие-то вошли и давай юлой вертеться. Места, понятно, всем не хватает, а им хоть бы что. Лица как маски. Вот ему бы такое, чтобы никто никогда не смог прочесть его мыслей. Айаана читает его как ребёнка.

Стала по волосам гладить. Раньше, чем он сам, поняла, что жутковато всё это, а её рыцарь оказался трусоват. Кто признается, что верит в сказки. Для каменнолицых баб это самая что ни на есть реальная реальность.

Из рта дядьки-шамана течёт слюна. Как у бешеной собаки. Тело его дёргается. А женщины кружат воронами как ни в чём не бывало да ещё подвывают. Ну его, махнула Айаана рукой, будто сама духов призвать может. Манит в комнату. Уж лучше с ней, чем с бесноватым. А она уже и свитер стягивает, жарко мол тут.

Грудь у Айааны маленькая. Тело детское. Ножки тонкие, как у жеребёнка. Где же ты была всё это время? А она кулаком в грудь: дурак ты такой, что с тебя взять? Вырвалась, давай джинсы натягивать. Но куда ж она денется? Не побежит же голой к сумасшедшим на кухню? Вой оттуда такой раздаётся, как будто мёртвые уже пришли и скандалы закатывают. Руки у Айааны, как берёзовые веточки. И сама она гибкая, как молоденькое дерево. Не женщина, а дух матери-земли, что сейчас выйдет из земной оболочки и поплывёт, выпорхнув из окна.

Качает. Всё потому, что верхом на мамонте. Рядом, ближе к хоботу – Айаана. Совершенно без одежды. Бесстыдно и гордо сидит. Будто тут родилась. Из самой земли растёт звук. Это рядом выстроились строем другие мамонты. Целый легион. То ли клонирование не пошло, то ли духи плохо постарались, но мамонты хоть и ожили, были гнилыми. Их шкуры от каждого шага всё больше рвались, обнажая рёбра и кости. Вот уже один упал, развалившись на куски, но продолжал ползти в грязи вечной мерзлоты. На него наступали другие, втаптывая всё глубже и глубже. С каждым упавшим стадо ревело всё отчаяннее, продолжая движение в бесконечность.

Утро было тяжёлым. Голова болела, как бревно с воткнутым топором. Телефон орал, как чёрт в преисподней. Антон, верещала трубка, холодильники пустые, ты же никого не водил? Когда он Айаану водил? Да в пятницу это и было. Как раз за два дня выходных. Без сигнализации хоть всё, что есть в музее и лаборатории, выноси, не заметят. Поймут ли, что его вина? Видел ли кто, как он ночью в здание входил? Покатилась из рук монетка, побежал за ней, да кошелек потерял.

На кухне валялись пьяные полуголые люди. Айааны нигде не было. Как будто всё привиделось. Антон стал расталкивать шамана, тот только мычал и пускал сопли: прости, друг, не хотят духи. Сказал и рухнул лицом в пол.

Возвращение в Якутск было тяжёлым. Но ещё тяжелей было вернуться на место преступления. В музее полицейских уже не было. Не волнуйся, Антон, говорил профессор, просто ложная тревога. Не думаю, чтобы кто-то действительно экспонаты унёс. А про то, где мы храним образцы, только я и ты знаем. Это всё директор увидел, что двери открыты, так давай звонить.

Не успел поставить телефон на зарядку, как посыпался горох неотвеченных вызовов. Жена, друзья жены, друзья, о которых знает жена, другие, о которых не знает, но которых прозвонил профессор. Но особое раздражение именно от неотвеченных вызовов жены. Как ожог крапивы. У кого-то жар-птица, кому-то, как ему, курица. Почему Айаана ушла? Что было не так? Понятно, что жена ни при чём. А вдруг это потому, что он женат, а она уже свободна? Может, что сказал ей?

Неделю выжидал. А тут, как назло, японцы отказали. Целый год договаривались о финансировании. А они: вначале вы найдёте ДНК, потом всё остальное. Как тут всё остальное, если

денег нет? Как будто мамонты в самом Якутске валяются. А бензин? А если вертолёт заказывать? Почти же всё согласовали. И тут опять: мы подумаем, у нас решения принимаются долго.

Надо решиться и уйти от жены. Нет, он не мерзавец, будет денег высылать. Если проект с мамонтом пойдёт, много денег будет. Сразу заплатит, как дань за триста лет. Он совсем не хотел детей. Это её решение. Пусть теперь сама. Два ещё – туда-сюда. Но она третьего решила. Говорит, многодетным поддержка. Так поддержка как гулькин нос, а ввязываешься на всю жизнь! Пётр даже сомневаться стал, не якутка ли его жена. Про якуток чего только не рассказывают. Умны и хитры больно. Говорят, одна завела себе двух мужей. Один был шахтёром. В Нерюнгри на вахту уезжал. А другой добывал золото аккуратно в противоположной части – где-то на полюсе холода, на Оймяконе. Каждому говорит, тебе на что тратить? Отдай мне карточку, я тут жить-то как-то должна. А официально замуж не хочет. Говорит, люблю тебя так. Что государство вмешивать? Проклятье мне будет, если я, будучи якуткой, с неякутом жить буду. Родня узнает, проклянёт. А так небо знает и духи знают, зачем нам штамп? Долго мужья-то не пересекались. Даже родить успела. А её родня молчит. Никто и слова не скажет. Как может баба, так и выживает. Так ей мужья на квартиру наработали. Пытались имущество отнять. А нет – куплено вне брака, нечего делить. А ребёнок вообще не от них был. От ещё какого-то другого мужа. Нет, дети – это судьба. Младший бежит, растопырив руки: папка, папочка. Глазёнки блестят: вот для кого он бог-демиург. Старший серьёзнее. Для него папа – просто волшебник: многое может, но не всё. И любит, наверное, он свою Ньюру. Стал он жить с ней, если бы не так. Родит, придёт в себя. Поедут они куда-нибудь, где тепло и море. Прошлого не вернуть. Всё это был лишь морок, обманка. Нет давно его Айааны. Пришла чужая женщина, соблазнила и сбежала.

Голос у Айааны жёсткий и острый как нож. Чего мол звонишь, надо будет – сама наберу. Айаана, кричит Пётр в трубку, это из-за тебя японцы же в финансировании отказали. Использовала меня. Я со всей душой. А она отрезала – пить надо меньше. Теперь точно знаю, ты полный научный ноль. Но дам тебе шанс. Будет ДНК – будет финансирование. Пока с корейцами развлекайтесь. А теперь молчи лучше, а то всем расскажу, как ты любовниц по лабораториям водишь да образцы хранишь. Не знаю, кто больше расстроится, жена твоя или профессор.

Вот ведь сучка, сплюнул Антон. Так бы и задушил, будь она рядом. Всегда знал, нельзя якутам доверять. Когда надо – они всё понимают, когда надо – русский язык неродной. Никогда не знаешь, что у них на уме. Тоже мне, дочь шамана.

И тут она решила пустить последнюю пулю. Контрольную. Как найдёшь ядерную ДНК, уточняет, так сразу звони, твоя печаль, как корейцам откажешь, любовничек. Да ещё зачем-то уточнила, как японские коллеги смеялись, когда она им показывала утехы с ним, пьяным и противным. Уж больно он смешно вскрикивал. Как медведь, которому лапу капканом прищемило. Целых пять минут кряхтел, чтобы откатиться и захрапеть. Под ногами что-то звякнуло и покатилося. Всё, что осталось, – монетка японская, с дыркой внутри.

Счастливый билетик

Вот и прибыли, – Филипповна запахнулась в норковый палантин. С самолёта их уже встречали: отдельный выход, ослепительные улыбки стаффа, приветственные цветы. Не меньше, чем у членов правительственных делегаций. Филипповна была богиней, что возвращалась на родину. – Владимир, посмотрите на Дальний Восток. Теперь он навсегда ваш. Вернее, наш. Неисповедимы пути, что ни говори. Всё возвращается по спирали. Сама не думала, что вернусь сюда. Тем более так. Опять государство позвало. Теперь уже бесплатными гектарами. Вот уж он, счастливый билетик. Везде, если увидеть, своя выгода.

Вован был волком в человеческом теле. Нутром чуял опасность. За это шестое чувство его побаивалась даже тёща. А тёща-то была ого-го – настоящая интеллектуалка. Такая если и займётся махинациями, то «чистыми». Чтобы всё шито нитками, пусть даже белыми, но незаметно. Если Вован по молодости брал нахрапом и наглостью рэкета, то Филипповна с юности слыла белоручкой, а сейчас специализировалась на неуплате налогов от трудовых доходов. В играх с государством, она обыгрывала представителей властей уже много десятилетий подряд. Это была битва титанов. Но у тёщи сил было, как у матери-земли. Только один Вован не поддавался на её колдовские умения: как в воду глядел, когда она и его хотела кинуть на пару лимонов. Всё-то выходило чисто, комар носу не подточит. Но Вован знал – то ли по её плутовским глазам, то ли по ёрзанью на стуле, – что она врёт. Также его боялась жена Маринка. Стоило ей только подумать о том, как кинуть мужа на деньги, сбыв его бизнес третьим лицам, а самой укатить до конца своих дней в тёплое заморье, Вован как бы невзначай менял все пароли и явки, попутно урезая доходы своей дражайшей для профилактики.

Бизнес дело нехитрое. К одним деньги липнут. К другим – нет. Так думала Филипповна, inferнальная женщина, потерявшая свою красоту где-то на Колыме. Её муж, уже пару лет как отправившийся тягаться не то с ангелами, не то с бесовским подрядом (в последнее верилось больше, хотя по заказу жертвователей в местной церкви пару святых смотрели на молящихся его свирепыми глазами), сразу увидел в зачуханной пацанке золотую жилу, алмаз неограниченный. Надо было оставить кому-то нажитое. Не дочери ж. Маринка пошла неизвестно в кого. Должно быть, в музыкантишку, с которым по молодости крутила роман её маман. Прошное всегда темно и неясно. Маринка шла по своему этапу: музыкальная школа – музыкальное училище – консерватория. Она жила в сферах тонких, но, по совету Филипповны (пришедшей по итогам переговоров с мужем к дочери с подбитым глазом), вышла замуж за того, кто стопроцентно обеспечит хлебом насущным. И теперь между сонатами, сочившимися из рояля, послушно рожала, как на конвейере, детей, часть из которых уже откатилась от материнской яблони в Лондон.

Однако времена наступали другие. Всё больше красных флажков видел Вован. Они просачивались в красной помаде жены депутата, что он трахал больше не по страсти, а как кот, помечая территорию. Словно мстя народному избраннику за лишнюю несговорчивость. Однажды он так задумался, что, представляя, как сдавливают парламентария голову, оставил багровые отпечатки на заднице его супруги. Он не её имел, а депутата, своё положение полутеневого воротилы от бизнеса, вынужденную роль подхалима для власть имеющих и бьющего сапогом в хребтину слабых. Так сложилась жизнь. Вован никогда и не думал, что могло быть по-другому. Ему ещё повезло, вырвал счастливый билетик: не скололся, не спился. А вылез из грязи да утёр нос всем бывшим отличникам из хороших семей, что сейчас сидели в его подставных конторах под вешим глазом тёщи да подтирали грязь под его бизнесом.

Как ни петлял Вован, охотники от властей всё ближе подбирались к его стае. Москва, всегда бывшая большой деревней, стала совсем маленькой. В болотистом Питере было всё

схвачено-перехвачено на лет сто вперед. Сибирь поделили косматые мужики, торговавшие оружием, и цыгане, посадившие на иглу все крупные города. Надо было делать ход конём. Рисовать свою лотерею.

Деревянная дверь разлетелась на щепы. Да была бы металлическая, был бы иной подход, да тот же исход. Вован недоуменно повёл бровями. Всё было как в замедленной съёмке чужого фильма. Кто мог сунуться? Московские от имени Вована вдавливались под плинтус. Пытались гнуть своё горячие парни с Кавказа, но яйца оказались круче у Вована, поднявшего всех от мала до велика на борьбу с игом. «Да кто ж такие?», – всё крутилось у него в голове. Последнее, что он услышал, было: «От Коляна привет».

– Сдурел, что ли? Какого ляда тебе земля сдалась? Здесь её мало? – младший коллега по бизнесу и по совместительству полубывший мент Колян рассмеялся, орошая слюнями вперемешку с водкой весь стол.

– Да дело тебе говорю. Государство само землю даёт. Бесплатный гектар. Получить может каждый. Из любой точки страны. Главное, чтобы российский паспорт был. Какая разница, что на Дальнем Востоке. Зато искать далеко. И всего-то – бумажки нужно сделать, что осваиваем. Частное кладбище. Где-нибудь в далёкой тайге. Знаешь, такое экокладбище. Для продвинутых пользователей. Чтобы лежать себе под соснами, а сверху шишки, белочки. Даже слоган тёща придумала: «Лучшая жизнь после смерти начинается там, где восходит солнце», – слова лились из обычно молчаливого Вована, словно судьба давала ему шанс, за который нужно было ухватиться, как сперматозоиду за матку, чтобы переписать всё начисто. – Тут, знаешь, сколько проблем, чтобы трупы хоронить? Одна была надежда на реновацию, чтобы дома новые строили. Но мороки не оберёшься. Камеры везде понатыкали, чтобы за стройкой следить. Вот, представь, бросаешь ты чучело мёртвое в бетон, а рядом уже твои полуколлеги стоят, в погонах дырки под звёздочки просверливают. Ну к лешему всё. Сам поеду филиал основывать. Чтобы комар носу не подточил.

Накануне вечером Филипповна просчитала бизнес-план. Выходило и чисто (даже с налётом благотворительности – можно же хоронить бесплатно видных деятелей искусства, так сказать, сделать потом арт-кладбище), и выгодно. Подумать только, можно же осваивать гектар. А если записать на семью и друзей, то целую новую индустрию открыть, предложив бывшим и действующим партнёрам новую услугу по качественному и надёжному захоронению. Концы не в воду – концы в землю. В ней, родимой, все и встретимся. В оборот пойдёт и Маринка, даром что ли, жена. Она возглавит фонд «Посмертие». Будет предлагать бесплатные подземные номера любимцам муз различных категорий. У кого поднимется рука ворошить прах какого-нибудь известного за пределами поэта Изюмова? Пусть лежит себе в пентхаусе подземного дома. А под ним можно затолкать человека два-три, а, может, и больше – как земля осядет.

– Марина, подумай сама, какое ж грязное дело, – верещала тёща, заговорщицки подмигивая зятю. – Твой муж решился на благородный поступок. Цени это. И о нём забывай. Никто не кусает кормящую руку. Совершенно бесплатный перелёт, проводы. Где ещё поэту, писателю или художнику лежать, как не там, в тайге, где вековые сосны, неведанные тропы, и ни одна тварь не будет мешать походу в вечность. А мы выйдем, не побоюсь этого слова, на международный уровень.

– И вот так уже все твои в бизнес решили ввязаться? – икнул Колян, рассматривая напарника.

– Деньги любят тишину. А там – тихо. Населения почти нет. Представляешь, рядом с заповедником возьмём. Или ещё где. Какая разница? Мне больше нравится Приморье. Вода, леопарды там, тигры, какая только хрень не водится. Убьём большой круг аудитории. Главное, быть первыми, поляну застолбить. С местными я договорюсь. Что с ними вообще договари-

ваться! Кто там есть? Никого. Две полукрысы на треть страны, – сам заготовил на свою шутку Вован.

– Филипповна, – ословело икнул Вован, – Вот твой и гектар жинки пойдёт на кладбище. А свой оставлю в резерве. Отдельно пойдёт. Вот смухлюешь, свяжу тебя, брошу в вертолёт и скину где-нибудь в Хабаровском крае или Якутии. Там, где особенно зол дальневосточный клещ. Чтоб, если укусил, так смертельно. А выживешь, душой до конца дней останешься. А что, так и напишу в заявке, беру землю под сохранения потомкам. Что думаешь, – смеялся он своей шутке, – ты там же сильно природу не повредишь, сама гляди её частью станешь. А потом через недельку приеду, выживешь – заберу домой. Будешь как домашнее животное. Не выживешь – не судьба.

Филипповна застыла Ленскими столбами, что за свою жизнь и не такое видали. Ни один мускул не дрогнул на её лице. Она лишь незаметно писала на телефон тирады зятя. Так Филипповна делала даже со своим мужем. Это уже несколько раз облегчало ей жизнь.

– Слышь, а ты с парашютом-то прыгала? Представляешь, он же не всегда открывается, – хлопнул её по плечу Вован. – Тебе бы в покер играть. Верю, что налоговая тебя ничем не прошибёт. Понимаю, почему тебя батя выбрал. Интересно, понимаешь ли ты, почему он выбрал меня?

Через пару часов Колян получил аудиозапись от Филипповны. Там был явно слышен заплетающийся голос его кореша. Из записи была удалена первая часть, где упоминалась Филипповна. Для того чтобы Колян всё понял точно и наверняка, к записи прилагалась эсэмэс, что это ему планируется участь быть вброшенным где-то в тайге.

Если её дочь и была вдовой, то эта роль к ней не клеилась. Всё величие горя на себя приняла Филипповна, став королевой-матерью, оплакивающей зятя-сына.

– Не хнычь, ботокса на тебя не напасёшься, – цыкнула она на дочь. – Ты его никогда не любила. Не то что я. Он мой бог-сын, кровью скрепивший твой следующий брак и мой новый бизнес. Агнец, что рядился в волчьи шкуры. Что ни говори, любила я этого мальчика. Нравилось смотреть, как всё он думает, что обыгрывает. Но мой счастливый билет – джокер в рукаве. Не знаю, что больше рассердило Коляна: что его за силу не считают или про двух полудохлых крыс? Знание – сила. Главное, как информацию подать. Особенно если она абсолютно правдива. Сейчас придёт стилист. На похоронах ты персоне номер один.

Филипповна всё рассчитала точно. Вован был балластом, грузом для семьи. Он должен быть сдан в утиль, как малиновый пиджак, что не подлежал перелицовке. Пусть все первоначальные накопления были сомнительного происхождения. Теперь пираты надевали на руки перчатки и отправляли детей учиться за границу, преимущественно в Лондон. Безусловно, Вован не мог не понимать, что ему ставят капканы, только вот ни разу не увидел холод и презрение в глазах тёщи.

– Марина, – поправила причёску Филипповна, – надеюсь, ты понимаешь, что твой муж был святым человеком, который пал жертвой несправедливости. Теперь ты всем расскажешь, что посвящаешь свою деятельность его памяти. Надеюсь, ты будешь жить долго и счастливо.

Вечером следующего дня федеральные каналы толпились в очереди за интервью у главы фонда «Посмертие». Женщина с безупречной репутацией, вдова известного московского бизнесмена отдаёт дань уважения мужу, претворяет в жизнь его последнюю идею. Соинвесторами проекта стали неизвестные предприниматели из АТР.

Встреча

Ты когда-нибудь встречался с богом? Не смейся, вопрос серьёзный. Не про музеи с пыльной живописью и холодными статуями. Не про церковь, куда ходят, лишь бы отметиться, будто у дьявола есть записная книжка с заметками: этот ходил и ставил свечку, огонь ему под котёл поменьше; а сверху и не бог, а строгий, но не очень внимательный учитель. Ему подsunешь плагиат из интернета – не заметит. Это вопрос про встречу. Про личного бога. Вот нас трое братьев. Казалось бы, общая мама. А у каждого – своя. Моя – застёгнутая на все пуговицы. Пучок такой, что ни одна волосинка не выйдет из общего строя. Из детства – только строгий голос: иди да братьев из сада заberi. А для малого – тёплая. Ему уж под тридцать, а всё льнёт к ней, как телёнок. Среднего не поймёшь. Спросишь про мать. Ответит: ну мама как мама. Как будто что она, что пятно солнца на стене. У каждого есть свой Гоголь, свой город, своя Москва. Даже если ты никогда не был в столице, она живёт пучком ассоциаций и фантазий, что делает её почти живой. С богом всё сложнее. Чаще о нём не думают, как о чёрной дыре. Может, он и есть, а, может быть, и нет. Как жизнь на Марсе. У Ницше он умер. Но, чтобы умереть, надо было и жить. Я вот сам не знаю. Иногда кажется, зря приехал сюда. Был шанс поступить в лучший вуз страны, бросить всё это Приморье – за него и ухватился зубами. Тогда казалось, вырвался из капкана, теперь всегда будет солнце над головой. Столица – блеск огней. Но фальшивый. Думаешь, что звёзды, а это лишь фонарь слепит в лицо. Теперь ни здесь, ни там. Ни жилья. Ни толковой работы. Вернуться невозможно. Не повернуть реку вспять. Яблоня цвела, да цветки опали. Так и бухчу немного, разменивая жизнь на фантики банкнот.

Послушать жену, бог – это дитя. Лепит бытие из пластилина, бросает на пол свою поделку со скуки, тут же тянется за цветными карандашами, чтобы чесать набухшую десну. В нашем лопоухом Мишке она видит глаза бога. Ты, говорит, ребёнка не носил, откуда же тебе знать, твоё нутро не чует. Потому что есть, по её соображению, моменты, когда ничего нельзя сделать, только на бога уповать. Врач только разведёт руками да на икону покажет. И ведь, да, пронесло. Говорит, сына в честь архангела надо назвать. Крылатый ей в церкви улыбался. Его тоже просила. Вроде ближе он к людям, чем бог. Не поспоришь. Откуда мне знать, было или не было. Может, он, как её тётя Соня из Саратова. Вроде есть, даже фото показывала, а ни разу так и не виделись. Думаю, имя как имя, так и назвали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.